

Эмма Гордон-Холл

Свидетели эпохи

ЧАСТЬ 1

#1

Закон подлости одинаково преследует всех, но когда дело касается тебя лично, то кажется, что в этом ты уникален. Когда ждешь нужного тебе троллейбуса, очень ждешь, когда торопишься, обязательно придет не тот, что нужен. И, казалось бы, такая мелочь, но она заставляет лишний раз в душе сетовать на судьбу и задаваться вопросом «Ну, почему?», и все вокруг в этот момент кажется счастливее и уж куда более удачливыми.

Ольга, стоя на остановке уже больше получаса, промокая насквозь от протекающего с утра неба, не понаслышке знала про этот самый закон. Ее потертые кеды неприятно хлюпали, когда она переминалась от холода. Убедив себя, что ей уже нечего терять, последнюю часть знакомого маршрута от парка до остановки она проделала, шлепая по лужам, даже не пытаясь их обойти. Единственное, что согревало ее, это надежда на скорое прибытие транспорта, которая таяла с каждой каплей, неприятно падающей на ресницы. Нужного троллейбуса все не было, уже много раз приходил не тот, что нужен, а пешком — не меньше часа. Летом, в хорошую погоду расстояние преодолевалось с легкостью, а главное, с удовольствием. Ей нравилось ходить одной, перебирать ногами по жилым спальным кварталам, заглядывая в окна первых этажей, таких разных и уютных. Но теперь по раскисшим улицам идти пешком было сумасшествием. И она стояла. Ждала. Одиночество, которое было ее лучшим другом в солнечные дни, теперь предательски напоминало о себе тоской и унынием.

Наконец-то огни, и троллейбус — тот, что нужен. Забравшись внутрь одной из первых, Ольга, протиснувшись сквозь толпу мокрых пассажиров, встала у окна и сдернула с головы капюшон своей толстовки. Ее темные густые волосы рассыпались по плечам, она была счастлива избавиться от этой сырости; как могла, вытерла лицо рукавом и уткнулась в запотевшее стекло, прибавив громкость в плеере. Холод собачий, чересчур даже для питерского лета. Здесь, внутри салона, тепло и светло, и городские сумерки кажутся еще более темными. Троллейбус тронулся, переваливаясь на неуклюжих колесах, и загудел проводами. Сзади Ольгу потревожила грубая рука, и она с ужасом вспомнила, что этому ее блаженству в тепле мешает одна мелочь, а точнее отсутствие мелочи.

— Оплачиваем проезд.

— Ой, тетенька, пожалуйста, у меня нет денег, можно я так доеду, мне недалеко. Ольга жалобно округлила глаза, надеясь, что в такую погоду должен сработать ее испробованный метод. Не все кондукторши реагируют одинаково, но большинство именно так:

— Какого черта садится, если нечем заплатить? Не мои проблемы, выходим!

— Пожалуйста, посмотрите погода какая, я мокрая насквозь, идти очень далеко.

Ольга, не двигаясь с места, все больше округляла глаза и не понимала, как ей можно было отказать.

— Хе, теперь уже далеко! Моя какая беда? На выход! — огрызалась кондукторша, для которой была особая радость выставить молодую девочку в дождь, иначе — скука смертная на этой работе.

— Пожалуйста, у меня, правда, нет денег, я из детского дома.

Последние слова дались как всегда тяжело, но действовали они, как правило, спасительно на подобного рода кондукторш. Окружающие, которые тут же стали оборачиваться и выглядывать, смолкли за своими разговорами и заняли свои позиции наблюдающих за развитием событий. Троллейбус сделал остановку. Двери открылись. Никто не вышел, но несколько человек зашли и по счастью отгородили Ольгу от двери и кондукторши. Но внезапно та стала истерически кричать и расталкивать локтями недоумевающих вошедших.

— Миша! Стой! — завопила она водителю с каким-то неестественным надрывом.

Схватив Ольгу за плечо, она стала тянуть ее к дверям.

— А ну, пошла отсюда!

— Вы не имеете права меня трогать! — закричала Ольга.

Даже для нее, выдавшей всякое, это было вопиющей дерзостью. Пытаясь освободиться из грубых рук кондукторши, она все еще старалась как-то оправдываться, упиралась и вырывалась, задевая других пассажиров, которые торопились убраться с дороги и не мешать происходящему.

— На выход, коза, из детского дома она, как же! Небось, на наркоту и сигареты деньги есть, а на проезд — возите ее бесплатно! — не унималась тетка.

На помощь пришло противное замечание бабки, рассевшейся у выхода. Ее котомки бесцеремонно заняли целое сиденье у окна, и это при полном троллейбусе.

— Не заставляй весь троллейбус ждать, нам всем ехать надо, мы так до вечера стоять будем?

Ольга замолчала, опустила глаза и сошла на утонувший в лужах асфальт. Дождь, конечно же, усилился, что лишний раз напомнило ей о злополучном законе подлости. Уже без попыток сесть на другой транспорт она зашлепала по направлению к дому. Такое и раньше бывало не раз, шансы, что тебе попадетсЯ добрый понимающий кондуктор, обычно невелики. Больше всего Ольгу поражал не визг толстой, обиженной судьбой кондукторши, продавать билеты для которой — единственный способ не умереть с голоду на пенсии, а лица пассажиров, что обычно ездили в таких троллейбусах. Лица тех ухоженных, сытых, одетых в хорошую одежду пассажиров, разговаривающих по недешевым мобильникам с бесполезными побрякушками, торопящихся, теснящихся и всегда чем-то недовольных. Они всегда смотрят, и сейчас смотрели, когда кондукторша орала на Ольгу. Кто-то отстраненно, без эмоций, порой раздраженно. И пока у них еще есть шанс вступиться и помочь, быть может, заплатить, они только смотрят. Ольга часто думала, что если каждый пассажир троллейбуса пожертвовал бы хотя бы рубль, то ей хватило бы не только на поездку. Но они всегда лишь смотрят. А потом, когда Ольга оказывалась «за бортом», они смотрели иначе — теперь уже с другим выражением лица и, как им казалось, с поддержкой и сочувствием.

Никогда и никто не предлагал оплатить проезд за девушку или хотя бы вступить за нее перед кондуктором. Никогда и никто. Зато смотрели все, расценивали ситуацию как несправедливую, но никто не выходил из образа зрителя, никто не рвался в участники. Каждый убеждал себя, что так и должно быть, и что их это не касается. Сейчас вообще ничего и никого не касается. Экономика, политика, медицина, образование, безработица — у них все ужасно, но это их не касается.

Когда Ольга дошла до большого старого особняка на набережной в самом конце Фонтанки, было уже совсем темно. Старые покосившиеся ворота были, как всегда, широко распахнуты, открывая вид на парадный фасад с витиеватой лепниной и массивными резными дверьми. Большой проход от ворот до лестницы «украшал» исписанный неприличными словами остов гранитного фонтана, с грудой окурков на дне. Присмотревшись внимательнее, имея при этом большое желание, можно было уловить черты той помпезности, что царила в этих стенах в прошлом. Но теперь, они хранили свою историю за облупившейся табличкой «Детский дом №770 г. Санкт-Петербурга», и «разруха» — единственное слово, которое приходило на ум тем немногим, кто проходил мимо забытых чугунных ворот.

Дождь все не утихал. Желтый особняк разливал свой драгоценный мерцающий свет на зеркальные лужи и на беспокойную поверхность Фонтанки. Карета подъехала быстро, но из нее явно не торопились выходить. Напряженное молчание потревожил тоненький, почти детский голосочек:

— Помните, Артур, вы говорили, что нам не придется расставаться. Вы были так уверены в этом, что даже не спросили, могу ли я быть с вами. Нет-нет, хочу ли я быть с вами?

И снова молчание. Извозчик обернулся и свистнул подъехавшему следом экипажу, чтобы тот объезжал его. Узкая набережная была не самым лучшим местом для сердечных бесед.

— Господа хорошие, вы будете выходить, али у вас еще какие желания? — осмелился он, наконец, нарушить повисшее напряжение.

— Желания, желания... — раздался приятный молодой мужской голос. — Я благодарен Богу за то, что всегда желаю большего, чем могу достичь.

Дверь кареты открылась, и из нее вышел молодой человек в идеально сидящей черной сюртучной паре и длинном пальто. Он протянул извозчику несколько монет и молча двинулся к воротам, но из кареты дотянулась хрупкая женская ручка и оставила без надежды остаться сухим.

— Вы говорили, что нам суждено всегда быть вместе, и что последнее, что мы будем видеть перед смертью — это лица друг друга. Вы даже не допускали мысли, что наши жизни могут сложиться иначе. Я не могу быть вашей, Артур. Вы же знаете. Знаете, потому что наши семьи отнюдь не поддерживают эту связь. Вы живете так, будто для вас закон не писан, без оглядки на мнения общества, словно не в этом времени. Вы думаете только о будущем, говорите о прогрессе и о том, что будет когда-то, но как же «здесь и сейчас»? Это вас не интересует? Я не такая, как вы. Я хочу, чтобы вы остановились и услышали меня, потому что я так больше не могу... Я устала от такой... такой... — она не могла подобрать нужного слова, в полной

мере характеризующего их отношения. Бросаться громким словом «любовь» она не была готова. Ни возраст, ни титул ей этого не позволяли, к тому же она была ума столь же редкого, сколь и ее красота.

Молодой человек не спеша вздохнул. Можно было подумать, будто ему все равно на то, что он промок до нитки. Торопить ее он не собирался, судя по всему, подобный выплеск негодования со стороны юной особы доставлял ему удовольствие и был вполне ожидаем. Она продолжила:

— Я смею просить вас не приезжать больше к нам и не слать мне письма. У меня нет чувств к вам.

Последние слова она проговорила на одном выдохе, опустила глаза и замолчала. Бархатное, кофейного цвета платье с кружевными воротничком и манжетами изящно подчеркивало ее тоненький силуэт. Оно было искусно сшито и сидело идеально, его дополняла того же цвета шляпка со спадающей вуалью, которая сейчас была поднята, и не затененные большие глаза заметно дрожали, боясь уронить слезы. Странно, но именно мысли об этом платье витали у него в голове. Ее слова, казалось, не относились к нему, и он лишь разглядывал то, во что она была одета.

— Вы не помните, кто это сказал? — наконец начал Артур.

Он говорил неторопливо, не обращая внимания ни на дождь, ни на цыкающего извозчика, ни на дрожащие слезы своей молоденькой спутницы. Он закрыл глаза, усиленно вспоминая то, что его волновало больше скучного разговора.

— Ну, кто же, кто же это сказал? Ну, те слова про желания... «Благодарение Богу за то, что я всегда желаю большего, чем могу достичь».

Она растерянно посмотрела. Он понял, что не вспомнит.

— Вы что-то хотите услышать? — продолжил он.

Ее большие серые глаза, как у фарфоровой куклы, потерянно бегали по его лицу, цепляясь то и дело за легкий шрам на левом виске, который придавал его образу особое очарование. Она так долго репетировала эти слова, оттачивала их перед зеркалом, и все равно сказала не так и не то, но хуже всего, что теперь она вдруг об этом жалела. А его спокойствие, притворное равнодушие и этот проклятый дождь разбивали в дребезги весь их разговор, заводя в тупик каждую ее фразу.

— Моя дорогая Катрин, моей первой и единственной радостью в жизни было, есть и вечно будет ваше счастье. Если ваша душа желает больше никогда не видеть меня рядом, я похороню свои желания о вас, и поклянусь больше не тревожить ни своими письмами, ни, должно быть, слишком частыми визитами, что смели вас так смутить. Но все это было — и мечты, и разговоры о будущем, лишь потому, что я, очевидно, немножечко сошел с ума от любви к вам.

Он продолжал грустно улыбаться, и волна его очарования заставляла девушку молчать. Сердце ее колотилось, щеки пылали, а молодой человек по ту сторону дождя медленно выпрямился и нежно сжал беленькую атласную ручку между холодными ладонями.

— Больно ли мне? — продолжал он. — Несомненно, но часть меня счастлива, наконец, избавиться от этого дурмана, виной которому была ваша невообразимая красота. Вы обвинили меня в том, что я мечтаю,

не потому ли, сударыня, что вы сами не способны мечтать, и желать вы способны только то, что в состоянии достичь! Я любил вас, превознося ваше имя, не замечая, насколько вы на самом деле земны и обыкновенны. Мы могли бы быть счастливы, разве нет? Только мы, наперекор всему миру, потому что для меня нет ничего важнее, чем вы, и мне неважно, что будут говорить. Но вы выбираете не меня, не мою любовь, а признание всей этой своры, которая не в состоянии оторваться от своих родовых дворцов, своих капиталов, своих репутаций, своих чинов. Быть заложником общества, плыть по течению, вместо того чтобы взять в руки весла — это ваш выбор, но ваш выбор по-прежнему для меня закон, так что прощайте!

Он на мгновение прижал ее ладонь к своим губам, но затем, обхватив тонкую изящную шейку, притянул к себе залитое слезами лицо и впился в ее дрожащие алые губки со всей возможной на тот момент страстью. Она оттолкнула его и с недоумением посмотрела, но он уже преодолел парадный двор, обогнул фонтан и взбежал по лестнице. Он даже не оглянулся на черный, утопающий в ночном дожде экипаж. Дверь за ним захлопнулась, и здесь, в сухости и тепле, он был, наконец, спасен.

— Фу, ну и дура! — заметил Артур, отряхивая воду с волос.

Он аккуратно снял обувь и передал свое мокрое пальто подоспевшему слуге. В прихожую с диким восторгом и неприятным цоканьем по паркету вбежал шотландский сеттер и почти полностью запрыгнул на хозяина.

— Ну, дружок, здравствуй, — ласково обратился он к счастливой собаке. — Опять я с тобой не прогулялся сегодня, а ведь обещал, плохой я хозяин, очень плохой. Но что поделать, когда приходится терпеть этих несносных куриц. Лучше бы я с тобой этот день провел, честное слово, ты лучше всех. Ну, ничего, через пару выходных мы с тобой поедим уток постреляем в Озерках.

Он игриво погладил пса, который все не унимался, больно ударяя хвостом несчастного слугу, который многозначительно свел губы.

— Все тут уже? — не глядя обратился Артур к старому управляющему.

— Да, ждут вас, Артур Францевич. Доложить о прибытии?

— Да, скажи, что я спущусь сейчас, в сухое только переоденусь, приготовишь?

— Сию минуту, ваше сиятельство.

Артур мигом взбежал по мраморной лестнице, укрытой багровой ковровой дорожкой, и, прошмыгнув в свою комнату, стянув с себя все мокрое, схватился за полотенце. Сеттер проскакал за ним и, виляя хвостом, принялся терзать предназначенную для него подушку.

Тем временем в гостиной, освещенной гулким электрическим светом, разместилась компания гостей. Молодые люди, одного возраста, а главное, одного круга, расселись за овальным столом, предназначавшимся для карточных игр. Судя по оживленности беседы, находились они здесь уже давно, и чувствовали себя как дома, хотя и не являлись хозяевами. Наливая коньяк и обрезая сигары одну за другой, они то и дело кидали друг другу фамилии настолько выдающиеся и цифры настолько невообразимые, что со стороны могло показаться, что это какая-то игра, где на этот раз всех обыграл радушный хозяин.

— Графиня Екатерина Андреевна Остен-Сакен сегодня оставила меня, господа.

Появившись в дверях, Артур грустно картинно опустил голову и развел руками, наслаждаясь прикованным к нему немым вниманием. Потом, убедившись, что все восприняли его новость как должно, он поднял голову и со своей характерной асимметричной улыбкой оглядел присутствующих. Затянувшееся молчание прервалось восторженными замечаниями.

— Я думаю, что никто не будет возражать, если я объявлю, что сегодня, июля десятого дня одна тысяча девятьсот четырнадцатого года, барон Фридрих-Артур Францевич фон Эссен превзошел всех нас в нашем нелегком деле, — с трудом выговорил уже подвыпивший молодой человек с маленькими усиками и поднял рюмку с коньяком над головой. Его примеру последовали все остальные, послышался звон бокалов и одобрителные похлопывания по спине.

— Ну что вы, господа, не стоит, — улыбнулся Артур.

— Да ну, — протянули остальные. — Все-таки графиня Остен-Сакен! Шутка ли?

— Ну, графиня... Разве это предел?!

Артур вытянул со стола дорогую сигару и жестом приказал одному из друзей дать прикурить.

— Ну-ну, я с удовольствием посмотрел бы, как вы собираетесь охмурять коронованных особ. Попробуйте сохранить хоть каплю достоинства, фон Эссен — усталым тоном протянул высокий худой брюнет, раскинувшийся на софе.

— Графиня — красивейшая женщина Петербурга, Екатерина Андреевна Остен-Сакен — несоизмеримый потолок для таких жалких и мелочных, как вы. Единственное, на что вы способны, это упиваться своим мнимым превосходством, но по сути вы ничего из себя не представляете. К тому же, как вы заметили, это она оставила вас, а не вы ее.

Высокий и могучий брюнет с аккуратно закрученными жирными усами неторопливо поднялся из-за карточного стола, продолжая перетасовывать колоду. Он говорил не как остальные, которые то и дело хихикали, подливая в стаканы спиртное. С особым напором он вкладывал презрение в каждое сказанное слово. Артуру он был незнаком, что на мгновение обескуражило, ведь слышать подобные высказывания в своем доме от незнакомца было делом весьма редким.

— Эм... Артур, позволь представить тебе господина... князя Андрея Николаевича Белогорского. Он нечастый гость у нас в столице, но давний друг нашей семьи, я осмелился его пригласить сюда, он прибыл утром из Москвы, — с извинениями в голосе пролепетал молодой человек, тот, что минуту назад заявлял о выдающемся подвиге дорогого радушного хозяина.

Молодого человека с заплетающимся языком звали Иван Золотницкий. Артур считал его недалеким и бездарным во всех отношениях. Они были знакомы с детства. Общий круг интересов, общие друзья. Золотницкий был единственным сыном одного из промышленных магнатов, недавно почившего. Он проматывал свое наследство и не считал нужным посвящать свою жизнь ни одному из занятий. Не имеющий ни цели, ни желаний, он, тем не менее, был душой и скрепой всей компании. Каждый из присутствующих считал

себя другом именно Ивана Золотницкого, а с остальными лишь приятельствовал. Можно было сказать, что это была плохая копия Артура фон Эссена, так как, желая подражать своему другу, Золотницкий бездумно ступал по тому же пути, но каждый раз терпел фиаско. Самым главным его провалом было поступление на факультет гражданских инженеров. Сколько сил было потрачено на пристраивание его персоны в институт! Сколько взяток выдано! Сколько высокопоставленных умаслено! Но не обладающий при этом теми же способностями, что и фон Эссен, Золотницкий сбежал из института меньше чем через год.

— Господин Белогорский, я позволю себе с вами не согласиться, — принялся спасать положение Золотницкий. — Она, да не она рассталась с Артуром сегодня.

— Вы здесь нечастый гость, господин, Белогорский, я думаю, вам будет это интересно. Артур, расскажи ему, — вступился за фон Эссена высокий, худой и гладковыбритый молодой человек с зализанными волосами и глубокими черными глазами. Это был еще один представитель богатейшего дома Петербурга — Антон Ралль, состояние которого многократно превосходило состояния всех вместе взятых в этой комнате молодых людей.

Артур отошел в сторону и плеснул себе коньяку. Повернувшись ко всем, фон Эссен нацепил самую ослепительную, самую обворожительную улыбку, которая у него имела и подчеркивалась изящным шрамом на виске. Белогорского он не приглашал, и раньше никогда не встречал, однако пары фраз и волчьего взгляда вполне хватило, чтобы составить о нем впечатление крайне неприятное, а тратить свои время и силы на нежеланных гостей Артур не привык.

— Простите, господа, в другой раз.

— Вы обиделись, господин фон Эссен? — удивился Белогорский. — Вот уж не ожидал, разве на правду обижаются?

— Господин...

— Белогорский — подсказали нарочно запнувшемуся Артуру.

— ...Белогорский — продолжил он. — Уверен, что вы не оцените мою философию.

— Отчего же? Мне весьма любопытна ваша методика завоевания женских сердец, — продолжал Белогорский с нескрываемым сарказмом в голосе и притворной улыбкой под усами.

— Давайте лучше Золотницкий расскажет, он как-то больше по части разговоров, я больше предпочитаю слушать, именно поэтому не его окружают прекрасные дамы.

По залу пробежался смешок, но не затронувший даже уголков рта Белогорского.

У Золотницкого так расширились глаза, что его стало трудно узнать. Пока тот собирался с мыслями, Артур расположился в роскошном кресле рядом с камином и приготовился слушать о необычайных похождениях самого себя. Что-то в этом Белогорском не давало ему покоя. Очевидно, что причина столь холодного отношения была не вполне понятна, и этот вопрос не давал покоя. Тем временем Золотницкий уже рассказывал.

— ...Ну посмотри на нашего Артура, — старался он изо всех сил, — это же «принц» на белом коне, точнее барон. Он же всех барышень сшибает с ног, они шеи сворачивают свои длинные. Я, когда с ним

познакомился, уверен был, что он крутит ими, как хочет, и что репутация у него сами знаете какая, думал, может, и меня чему научит, а потом стал узнавать — все тихо. Ну прямо ангел во плоти, кто-то даже посочувствовал. Я уж обрадовался, думаю, такой красавец, да без внимания, ну, значит, не во мне дело, а с барышнями нашими что-то сделалось, да не тут-то было. Хитрый, собака, как я не знаю кто. Как я и предполагал, любовник он тот еще и недостатка женского внимания он не имеет, и в жизни не догадаетесь, как он этого добивается, и чтобы претензий никаких.

— Он доводит отношения до того, чтобы женщина сама обрывала с ним всякую связь, — спокойно заметил Белогорский.

— Именно! — вскрикнул Золотницкий. — Послушайте, голубчик, как вы?

— Это банально.

— Ну не знаю... — продолжил Золотницкий. — Может, и банально, зато работает. Он все делает для того, чтобы они его в конечном счете оставили, причем делает это тогда, когда сам захочет. Они его бросают, он выходит сухим из воды, дескать, у меня были самые серьезные намерения, напускает на себя расстроенный вид, а следующая жертва уже сама заплывает в сети, ведомая чисто женской слабостью — утешить страдающего. Но что самое интересное, отталкивает он их от себя именно серьезными намерениями, просто планируя будущую совместную жизнь, беспокоясь об их каждом шаге, вздыхая над каждым их словом и сдувая с них пылинки. Вот удивительно, неужели это доказывает, что женщины так же, как и мужчины, хотят как бы «неофициальных» связей, и даром им не нужны по уши влюбленные воздыхатели.

— Это доказывает только то, что молодые барышни достаточно умны, чтобы вовремя разглядеть, что именно попало им в руки в виде молодого барона фон Эссена, и не торопятся связывать с ним свою жизнь.

По залу пробежал холодок, и многие устремили напряженный взгляд на самого Артура, который не переставал расслабленно потягивать сигару.

— Я бы не стал этого утверждать.

Артур медленно встал, уронив на пол немалую горсть пепла.

— Золотницкий сказал, что самое интересное в этих историях — это их страх серьезных намерений, я бы так не сказал. Нет, это, конечно, так, но это не самое интересное. Меня всегда забавляет то, что через пару дней после того, как они меня бросают, они присылают мне письма с раскаяниями и просят забыть наш последний разговор. Все мои рассказы о лучезарном будущем вдруг превращаются в их собственную сокровенную мечту, несмотря на то что они сами оборвали все нити, ведущие к ней. Конечно, я заверяю их, что все кончено, что я уже не могу вычеркнуть слова расставания из сердца, и что рану не сможет затянуть ничто в этом мире, и так далее и всякая чушь, а иногда и вовсе не отвечаю. Забавно, но что бы я ни говорил им напоследок, письмо приходит все равно. Например, сегодня я практически назвал графиню Остен-Сакен пустой дурой, лишенной желаний, но я уверен, что письмо все равно придет, быть может, чуть позже, а может, и наоборот.

Многие засмеялись. Кто-то одобрительно хмыкнул. Но Белогорский вдруг переменялся в лице, вытянулся и накрепк все тело, как лев перед прыжком.

— Вы что сделали? — прорычал он.

— Да ладно тебе, Андрей, это же шутка, — схватил его за рукав Золотницкий. — Успокойся, пожалуйста, не надо горячиться, прошу тебя.

Он был знаком с этим человеком многим долше остальных и знал, что подобный блеск в глазах может привести к катастрофе.

— Ничего себе, насмешил.

— Послушайте, я же не сказал, что назвал ее дурой, я просто сказал ей не самые приятные вещи, вот и все. Не надо все принимать так близко к сердцу, она что, ваша сестра?

— Нет, она моя невеста.

Артур слегка поперхнулся, отпивая коньяк, и в недоумении посмотрел на Золотницкого, но тот только непонимающе развел руками. Аккуратно поставив на стол бокал с коньяком, Белогорский поправил указательным пальцем левый ус, откланялся, произнес коротко: «Честь имею...» и уверенным шагом вышел из комнаты. Молчание прервалось резкой фразой из зала:

— Кто его сюда привел?

— Какая разница? Я привел, — отозвался Золотницкий. — Я ж не знал, что он у нас с невестой.

— Будет вам, господа, ну нет у человека чувства юмора, что, теперь его за это казнить? Ему и так невесело живется.

Артур дождался, пока присутствующие оценят эту его шутку одобрительным смешком, подарил всем обворожительную улыбку, сел за стол, кинув первые карты на зеленое сукно.

#2

— Это че за фигня, Шнур? Король пиковый вышел уже! Ты давай на бите не сиди там, а то ща как двину! — провопил худой долговязый мальчик лет пятнадцати своему сопернику с сигаретой в зубах, которому с натяжкой можно было бы дать одиннадцать. Его малиновый синяк под глазом идеально дополнял по цвету растянутую футболку.

Двое пацанят сидели на провисшей до самого пола пружинной кровати. Скрестив ноги по-турецки, они сжимали в руках старые засаленные карты. Вещи вокруг них были разбросаны, образуя в комнате невообразимый хаос. Сигарета в зубах, очевидно, была не первой, так как вокруг стоял плотный дымный туман.

— Чего ты сказал? — отозвался младший. — Глаза разуй, я биту не трогал.

За окном все так же трещал дождь, тусклый свет от одной единственной лампочки устало гудел старым патроном. За картонной дверью слышались девчачьи голоса, мальчишки замерли, прислушиваясь, но в сторону двери даже не взглянули. Девчонки колотили в дверь ванной, не скупясь на крепкие слова. Вскоре дверь открылась, и клубы легкого пара окатили трех взвинченных девочек. Ольга, не поднимая глаз, обернувшись полотенцем, проследовала мимо них по коридору, освободив ванную. Девочки догнали ее и преградили проход, прижав к ближайшему косяку. Мальчишки в комнате напряглись

и, наконец, посмотрели в сторону своей двери, которая угрожающе дрогнула.

— Ты оглохла, Иванова?! Когда к тебе обращаются, надо откликаться!

— Что вам надо? — резко спросила Ольга.

— Я бы попросила, поуважительнее. Ты ничего не забыла? Мне кажется, мы ясно дали понять, что есть определенные сроки. Котова свалила, но тебе-то тут еще до конца августа торчать, значит, тебе за нее и расплачиваться.

— У меня нет денег.

— Меня, по-твоему, это волнует? Подруга твоя не очень-то задумывалась о тебе, когда решила залезть в общак и свалить, почему я должна?

Девушка, та, что постарше, резким движением схватила Ольгу за волосы, и та невольно взвизгнула от боли.

— Четверг — твой край! Поняла меня? — прошипела она на ухо, а затем выхватила у Ольги из рук ее вещи, сорвала полотенце, открыла дверь и втокнула ее в комнату к мальчишкам.

Девчонки, гогоча, унеслись в ванную. Ольга, в одних только трусах и топике, медленно обернулась к обитателям комнаты, которые, открыв рты, продолжали молча смотреть.

— А, это вы... — небрежно заметила она, будто ее и не волновало, что она стоит посреди комнаты перед двумя мальчишками практически голая. Ольга проследовала к зеркалу на старинном платяном шкафу, от которого разило молью и плесенью. Она старательно делала вид, что ее не волнуют сверлящие глаза подростков, но дрожащий голос и красные щеки выдавали с головой.

— А где остальные? — поинтересовалась она, кивнув в сторону трех пустых кроватей, слева от шкафа.

— Они всё уже... их выпустили... — опомнился младший.

— Так говоришь, будто они в тюрьме срок отмотали.

— Да, они взрослые уже. А Зотов, не знаю — собрал вещи и ушел.

— Куда? — обернулась Ольга

— Не знаю, ты возьми, наверное, одеяло что ли, — пролепетал старший, краснея как раскаленный чайник.

Пятнадцатилетнего звали Юра, он находился в детдоме чуть больше года, и все еще смотрелся как новенький. Младшего, одиннадцатилетнего, звали Саша Шнурков, что, конечно же, трансформировалось местными в кличку Шнур.

Ольга подумала, что ее самоуверенность была оценена по достоинству и уже, наверное, достаточно. Она снисходительно взяла протянутый ей шерстяной плед.

— А тебя куда направят? — спросил Юра. — Тебе же скоро 18?

Одеяло невыносимо колелось, и все внимание Ольги было сосредоточено на поиске нужного положения, чтобы тело не так чесалось.

— Мне пофиг, если честно. Можно подумать, я не знаю, что эта гримза и так все уже за меня решила. Ненавижу ее.

— А мне она нравится. Светлана Васильевна добрая... — протянул младший. Ольга привычно закатила глаза.

— Ладно, я пойду, пожалуй, эти курицы ушли уже.